

А. В. Костикова*

ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И РАЗУМНОСТИ ПРИ ТОЛКОВАНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ДОГОВОРА

В силу диспозитивного характера гражданских и, в частности, предпринимательских правоотношений договор выступает основным инструментом правового регулирования. С точки зрения юридической техники договор должен адекватно и полно отражать содержание тех обязательств, которые согласованы сторонами, а термины и определения, использованные в нем, должны быть точны и понятны. Вместе с тем такие объективные причины, как абстрактность, краткость и лаконичность юридического текста, использование оценочных понятий и специальных терминов и выражений, могут способствовать неопределенности содержания обязательства и порой ведут к тому, что возникшая конкретная ситуация оказывается неурегулированной, т. е. возникает пробел правового регулирования. Более того, лексические и стилистические ошибки, допущенные сторонами в тексте договора, его неполнота и другие подобные субъективные причины также могут способствовать тому, что содержание обязательства оказывается неопределенным либо понимается сторонами по-разному. Толкование призвано решать данные проблемы. В Гражданском кодексе Российской Федерации¹ (далее также — ГК РФ) толкованию договора посвящена только одна статья, содержание которой остается неизменным с 1991 г.² Подобная стабильность заслуживает всяческой поддержки в силу очевидных достоинств действующей редакции ст. 431 ГК РФ, согласно которой в целях обеспечения стабильности гражданского оборота приоритет отдается волеизъявлению сторон и применение иных, помимо буквального, способов толкования возможно только в случае неясности волеизъявления.

Вместе с тем те экономические и социально-политические изменения, которые происходят в нашей стране начиная с 1991 г., вызванные переходом от плановой к рыночной экономике и приведшие к бурному развитию предпринимательской активности, не только способствовали возникновению таких ожидаемых и позитивных последствий, как конкуренция и экономический рост, но и привели к таким негативным последствиям, как монополизация, ущемление интересов малого бизнеса и потребителей и т. п. Иными словами, объективное неравенство участников предпринимательских правоотношений стало очевидно и, как следствие, вызвало необходимость нивелирования его силами государства. В связи с этим одной из самых острых проблем, стоящих

* Костикова Анжела Валерьевна — адвокат, соискатель кафедры коммерческого права юридического факультета СПбГУ; e-mail: angelakostikova@mail.ru, a.kostikova@3park.ru

© А. В. Костикова, 2013

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 3 декабря 2012 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301 (с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

² Впервые норма, посвященная толкованию договора, была установлена ст. 59 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1) (с изм. от 3 марта 1993 г.) [утратили силу].

сегодня перед государством, является проблема нахождения и обеспечения баланса между свободой предпринимательской деятельности, в том числе свободой договора, с одной стороны, и вмешательством в эту свободу для защиты прав и законных интересов более слабой стороны — с другой. Представляется, что с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ усилия законодателя должны быть направлены на обеспечение реального, а не декларативного равенства сторон, в том числе путем справедливого распределения рисков и ответственности между участниками правоотношений и минимизации возможных злоупотреблений со стороны предпринимателей. Причем такое вмешательство законодателя в регулирование предпринимательских отношений не может рассматриваться как излишнее (и потому негативное) вторжение в свободу рыночных отношений, поскольку осуществляется, как правило, на перспективу и уже известно предпринимателю в момент принятия им бизнес-решений. Иными словами, предприниматель, принимая то или иное решение, учитывает положения законодательства, и дополнительных рисков подобное вмешательство государства для него, как правило, не влечет.

Задача суда значительно сложнее. Какими инструментами (при отсутствии соответствующего законодательного регулирования) обладает суд для установления баланса интересов сторон в конкретном деле и каковы пределы судейского усмотрения и пределы вмешательства суда в свободу договора? Высший Арбитражный Суд РФ указывает, что принцип свободы договора предполагает добросовестность действий сторон, разумность и справедливость его условий, в частности их соответствие действительному экономическому смыслу заключаемого соглашения. Свобода договора, подразумевая, что стороны действуют по отношению друг к другу на началах равенства и автономии воли и определяют условия договора самостоятельно в своих интересах, не означает, что при заключении договора они могут действовать и осуществлять права по своему усмотрению без учета прав других лиц (своих контрагентов), а также ограничений, в частности недопустимости неосновательного обогащения.³ Предложенный подход представляется спорным, поскольку в силу самостоятельного и рискованного характера предпринимательской деятельности суд не должен проводить анализ эквивалентности достигнутых результатов либо иным образом проверять экономическую обоснованность бизнес-решений. Ведь, не будучи участником конкретных правоотношений, суд объективно лишен возможности учесть все нюансы этих отношений. И почему, если равные стороны добровольно и в своем интересе заключили договор и исполняли его, т. е. считали себя связанными им, суд вправе оценивать, учитывали они при этом права контрагентов или нет, и почему, собственно, они должны были их учитывать.

Представляется, что ответ на этот вопрос зависит от того, повлияло ли объективное неравенство сторон на содержание заключенного ими договора и доказано ли, что одна из сторон, будучи более сильной, *недобросовестно воспользовалась* объективным неравенством в ущерб интересам более слабой стороны.⁴

---

³ См., напр.: *Постановление* Президиума ВАС РФ от 12 июля 2011 г. № 17389/10 по делу № А28-732/2010-31/18 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ В частности, в случае, когда одной стороной сделки является профессионал, суды признают его более сильной стороной и оценивают условия обязательства исходя из конкретных обстоятельств дела, а не по формальным условиям стандартного договора (см., напр.: *Постановление* Президиума ВАС РФ от 7 февраля 2012 г. № 13135/11 по делу № А40-100067/09-157-756 // Там же).

Задача доктрины видится в том, чтобы предложить решение поставленной задачи — каким образом (и в каких случаях) суд, не оценивая правильность (или справедливость) бизнес-решений, может (или должен) установить баланс прав и законных интересов сторон? Полагаем, что именно толкование договора способно решить данную проблему.

Традиционно, при изучении проблем толкования основное внимание исследователей сосредоточено на изучении видов и способов толкования. Между тем простое определение последовательности применения способов толкования (как это предложено в ст. 431 ГК РФ) не отвечает на поставленный вопрос.

Зарубежный опыт, в частности законодательство ЕС доказывают положительный эффект от применения такого приема законодательной техники, как регулирование предпринимательских правоотношений путем установления принципов, например принципа добросовестности и честной деловой практики.⁵ Данный позитивный опыт был воспринят и отечественным законодателем. Как справедливо указывалось в Пояснительной записке «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации”»?⁶ «мировой опыт показывает, что эффективное развитие рынка невозможно без укрепления начал автономии воли и свободы договора участников оборота. Однако неограниченная свобода в достижении экономических интересов таит в себе возможность дестабилизации оборота. Правила о добросовестности являются естественным противовесом правилам, утверждающим свободу договора и автономию воли сторон» (раздел I «Общие положения» Пояснительной записки).

Между тем ясно, что позитивистское правосознание отечественных юристов не способно немедленно и безоговорочно принять самые передовые достижения и тенденции западной правовой мысли, однако запущенные механизмы интеграции в мировое экономическое сообщество, вступление России в ВТО не оставляют возможности для России искать свой путь решения поставленных проблем, и представляется, что инкорпорация неизбежна. При этом не только экономике, но и юриспруденции необходим «переходный период», который позволит приспособить западные бизнес-традиции к современным российским условиям. В свете сказанного представляется чрезвычайно важным выявить на доктринальном уровне ясные критерии, на основании которых регулирование предпринимательских правоотношений не только на основании привычных четких правовых норм, но и прежде всего на основе принципов не повлечет произвола и не создаст ситуации правовой неопределенности. Вместе с тем анализ доктрины и судебной практики показывает явно недостаточную разработанность таких критериев. Зачастую, именно ссылаясь на принципы добросовестности, разумности и справедливости, суд вторгается в экономическую юрисдикцию сторон, посягая тем самым

---

⁵ Справедливости ради необходимо отметить, что и в рамках самого ЕС единого подхода к возможности использования принципа добросовестности нет. Так, если в целом применение данного принципа поддерживается странами — участниками ЕС, то, например, в Англии применение данного принципа ограничено и он не рассматривается как основополагающий принцип права, а используется, скорее, как прием юридической техники, проявляющийся в более ясных и четких нормах.

⁶ *Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации”»* // Там же.

на свободу предпринимательской деятельности. Такая практика, на наш взгляд, имеет место еще и потому, что исследования правовых особенностей, специфики предпринимательского договора, т. е. договора, заключаемого между предпринимателями или с их участием, его отличий от договора общегражданского не уделяется должного внимания. Особую актуальность в свете сказанного приобретает исследование принципов, используемых при толковании предпринимательского договора, поскольку, во-первых, без толкования договора невозможно его надлежащее исполнение и, во-вторых, для решения любого спора между (или с участием) предпринимателей суду необходимо дать толкование договору. В свете тенденций развития современного российского законодательства по закреплению среди основных начал гражданского законодательства принципа добросовестности⁷ настоящая работа посвящена исследованию принципа добросовестности при толковании договора и связанного с ним принципа разумности.⁸

В основе понятия добросовестности лежит римское понятие «*bona fides*», которое в узком значении понималось как требование охраны истинного смысла договора против его буквы,⁹ а в широком — как санкция на корректировку соглашения с точки зрения справедливости.¹⁰ При этом ни понятие «*bona fides*»,¹¹ ни понятие добросовестности никогда не раскрывались законодательно,¹² а проявлялись через систему судебных решений. Наиболее существенный, на наш взгляд, критерий добросовестности был приведен К. П. Победоносцевым, который отмечал, что необходимо основываться на том, «что сторона могла разуметь по нормальному существу сделки и предполагая добросовестное намерение сторон, без затаенной мысли».¹³ Иными словами, для нормального развития бизнеса необходимы условия взаимного доверия, партнерства и сотрудничества. Вступая в предпринимательские отношения, стороны должны быть уверены, что целью другой стороны является сотрудничество, а не желание обмануть и злоупотребить оказанным доверием в ущерб другой стороне. Задача государства в данном случае — поощрение таких разумных ожиданий и наказание стороны в случае ее недобросовестности (отказ в защите права, эффективная работа правоохранительных органах в случаях, когда в действиях лица усматриваются признаки преступления, и т. п.). Любой, даже не самый легальный бизнес стремится к порядку и установлению честных партнерских отношений. Недаром даже на заре возникновения кооперативного движения в нашей стране в ситуации очевидной слабости и неэффективности государства предприниматели в отношениях между собой действовали «по понятиям», т. е. опять же исходя из своего (не будем отрицать — порой криминального) понимания должного и недолжного поведения, т. е. формулируя свое понимание добросовестного ведения

⁷ Статья 1 ГК РФ в редакции Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (Ч. 1). Ст. 7627.

⁸ Кроме принципов добросовестности и разумности автор выделяет принцип справедливости (подробнее о принципе справедливости см.: Костикова А. В. Принцип справедливости при толковании предпринимательского договора // Вестник СПбГУ. Сер. 14. Право. 2012. № 4. С. 42–52).

⁹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 245.

¹⁰ Oertmann. Rechtsordnung u. Veekehrssitte. 345. — Цит. по: Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 1916. № 6–8.

¹¹ Самойленко О. Б. Интервью с Г. А. Гаджиевым, заслуженным юристом России, доктором юридических наук, судьей Конституционного Суда РФ // Юридический справочник руководителя. 2004. № 11.

¹² Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. Пг., 1916. № 6. С. 58..

¹³ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Т. 3 / Под ред. В. А. Томсинова. М., 2003. С. 128.

дел. Задача государства — определить желательное поведение на основе тех стандартов и принципов, которые оно разделяет, и поощрять, пресекая либо не поддерживая иное — нежелательное — поведение.

Формулируя понятие добросовестности, отметим, что, по нашему мнению, это субъективная категория, отражающая внутреннее отношение предпринимателя к обязательству. Причем если под «честной деловой практикой» обычно понимается требование соблюдать законодательство и обычаи делового поведения,¹⁴ то понятие добросовестности, кроме этого, включает такие аспекты, как обязательность, исправность, исполнительность, «верность слову», тщательность, учет обстоятельств, которые могут опорочить «внешнюю или внутреннюю правомерность актов и могущих заставить честного в юридическом смысле человека отказаться от его совершения, несмотря на отсутствие формальных к тому препятствий»,¹⁵ а также непричинение умышленного вреда,¹⁶ в том числе воздержание от поведения, которое несовместимо с теми ожиданиями, которые сложились у другой стороны.¹⁷ При этом добросовестность сторон презюмируется.

С учетом изложенного предлагается выделять следующие критерии добросовестности.

1. *Добросовестность при заключении сделки* — «добросовестность при переговорах». Примером недобросовестного поведения может служить следующее дело. Между сторонами были заключены договоры купли-продажи недвижимости и подписаны акты приема-передачи. Покупателем в нарушение условий договора имущество оплачено не было, однако неоднократно направлялись запросы продавцу с просьбой сообщить реквизиты для оплаты. После обращения покупателя в суд с иском о понуждении зарегистрировать переход права собственности продавец продал спорные объекты новому покупателю, который в свою очередь сразу перепродал их третьему лицу. Отказывая в иске первоначальному покупателю, суд указал, что «наличие договора купли-продажи объектов недвижимости, переход к покупателю права собственности на которые зарегистрирован не был, в силу ст. 8, 131, 551 Гражданского кодекса Российской Федерации не влечет прекращения права собственности продавца на это имущество и формально не может служить препятствием для продажи спорного имущества».¹⁸ Безусловно, в силу ст. 15, 393 ГК РФ истец в данном случае не лишен возможности требовать возмещения убытков от продавца. Между тем на сегодняшний день добросовестные участники оборота не защищены от подобных недобросовестных действий контрагентов в случаях, когда договор не заключен, в том числе когда подлежащий государственной регистрации договор подписан сторонами, но не зарегистрирован. Положение, содержащееся в ч. 2 ст. 507 ГК РФ о возможности взыскания убытков, вызванных уклонением от согласования условий договора, представляется недостаточным. В связи с этим заслуживают одобрения предложения

¹⁴ См., напр.: *Англо-русский экономический словарь* // <http://www.dic.academic.ru> (дата обращения: 8.01.2013).

¹⁵ *Энциклопедический словарь* Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1870–1907 // www.dic.academic.ru (дата обращения: 08.01.2013).

¹⁶ Согласно ч. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются действия, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах, в том числе с целью ограничения конкуренции и злоупотребления доминирующим положением на рынке.

¹⁷ Определение понятия добросовестности через требование о запрете недобросовестности разделяется многими современными авторами (см., напр.: *Гребенкина И. А.* Принцип добросовестности в российском гражданском праве // Бюллетень нотариальной практики. 2011. № 2).

¹⁸ *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 27 мая 2008 г. № Ф04-3137/2008(5324-А46-30) по делу № А46-1327/2007 // СПС «КонсультантПлюс».

по дополнению ГК РФ ст. 434.1,¹⁹ согласно которой сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки. К таким недобросовестным действиям относятся, в частности, вступление стороны в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной, введение другой стороны в заблуждение относительно характера или условий предполагаемого договора, в том числе путем сообщения ложных сведений либо утаивания обстоятельств, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны, а также внезапное и безосновательное прекращение переговоров о заключении договора без предварительного уведомления другой стороны. Убытками, подлежащими возмещению недобросовестной стороной, признаются расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договоров, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом. Предлагается также установить, что стороны своим соглашением могут предусмотреть иную ответственность за недобросовестные действия при ведении переговоров.

2. Следующим критерием добросовестности является «*верность договору*», т. е. положение, при котором стороны считают себя связанными принятыми на себя обязательствами. Соответственно недобросовестным является отрицание того, что ранее признавалось. В международном праве это требование проявляется в правиле «*Эстонпель*». Данное правило закреплено в Венской конвенции от 23 мая 1969 г. «О праве международных договоров»,²⁰ и согласно ему «нельзя отрицать то, что до этого было принято и признано». Иначе данное требование может быть сформулировано следующим образом: «Добрая совесть не терпит, чтобы лицо сознательно выдавало перед другими определенную волю за свою, а потом само противилось тому, чтобы она считалась его волей».²¹ В применении к международным договорам эстонпель означает утрату государством права ссылаться на основания прекращения, приостановления или недействительности договоров. Выступая в двуедином качестве материального и процессуального правила, эстонпель способствует поддержанию стабильности и юридической безопасности.²² В свете рассматриваемого правила заслуживают поддержки и одобрения предложения по внесению изменений в Гражданский кодекс РФ, в частности дополнение его ст. 431.1, согласно ч. 4 которой «сторона, принявшая от контрагента исполнение по договору и в то же время не исполнившая своего обязательства (полностью или частично), не вправе требовать признания договора недействительным». Сегодня данное правило фактически применяется судами, однако со ссылкой на запрет злоупотребления правами. Так, как указал ВАС РФ, в ситуации, когда ненадлежащее оформление кредитного договора вызвано недобросовестными действиями самого заемщика, получившего и принявшего исполнение от кредитора, но не исполнившего свои обязательства по возврату кредита и уплате процентов, его требование о признании кредитной сделки недействительной из-за порока формы следует квалифицировать как

---

¹⁹ Проекты федеральных законов № 47538-6/1 и № 47538-6/2 // <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.01.2013).

²⁰ Венская Конвенция о праве международных договоров (заключена в Вене 23 мая 1969 г.) // Ведомости ВС СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

²¹ Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права.

²² Вахания Т. В. О принципах толкования международных соглашений ВТО третейской группой и апелляционным органом // Международное публичное и частное право. 2006. № 1.

злоупотребление правом.²³ По другому делу суд указал, что «в ситуации, когда требование о признании незаключенным договора подряда предъявлено заказчиком, который получил и принял исполнение, но сам его не предоставил, и сроки давности взыскания с него задолженности как неосновательного обогащения истекли, такое требование следует квалифицировать на основании статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации как злоупотребление правом».²⁴

3. *Добросовестность текста договора.* Суть этого правила состоит в том, что стороны должны избегать использования языка, терминов, иных приемов, которые затруднят понимание договора другой стороной. Как правильно отмечал еще Дуэц, порой «люди умышленно вносят темноту и двусмысленность в их договоры для того, чтобы обеспечить себе предлог для уклонения от исполнения обязательств».²⁵

В частности, недобросовестным должно признаваться:

— использование сложного языка, когда это не является необходимым. Примером таких недобросовестных условий является использование в договорах, заключаемых с потребителями, специальных экономических терминов без разъяснения их значения. Например, согласно Единому торговому кодексу США суд вправе признать недействительным договор или ряд его положений, если установит, что договор или его условия «недобросовестны». Условия признаются недобросовестными, если текст стандартного договора изложен непонятным языком;

— когда текст договора исполнен таким образом, что это затрудняет его понимание. Весьма актуальной является проблема толкования условий, напечатанных мелким шрифтом: Зарубежные суды, как отмечается, «очень не любят» положения, отпечатанные мелким шрифтом, поскольку они являются неудобочитаемыми и не в состоянии полноценно ознакомить другую сторону со своим содержанием. Так, по одному из дел суд указал, что «интересующая нас оговорка помещена в середине мелко набранного плотным шрифтом текста, без пробела, позволяющего привлечь к себе внимание. Если судовладелец намерен включить в свой коносамент оговорку, позволяющую избежать обязательства по оплате взносов по общей аварии, он обязан не только изложить это четким языком, но и сделать бросающимся в глаза, используя соответствующий шрифт и поместив текст в такой части документа, где любое лицо средних возможностей и обычного старания обязательно должно его заметить».²⁶ Еще пример: Немецкий федеральный суд указал, что «оговорки, читаемые только через увеличительное стекло, не являются частью контракта, содержащегося в коносаменте, даже в том случае, если это стандартные оговорки, принятые в торговле».²⁷ По другому делу суд утвердил в качестве стандарта читаемости размер шрифта, видимый невооруженным глазом.²⁸

Несмотря на то что ст. 10 ГК РФ в качестве санкции за недобросовестное поведение (за злоупотребление правом) указывает лишь отказ в защите права, суды зачастую

²³ Постановление Президиума ВАС РФ от 13 декабря 2011 г. № 10473/11 по делу № А07-16356/2009 // www.kad.arbitr.ru

²⁴ Постановление Президиума ВАС РФ от 8 февраля 2011 г. № 13970/10 по делу № А46-18723/2008 // www.kad.arbitr.ru

²⁵ *Duez P. L'interpretation des traits internationaux // Revue generale de droit international public. 1925. P. 429, 434* (цит. по: *Перетерский И. С.* Толкование международного договора. М., 1959. С. 19).

²⁶ *Crooks v Allan* (цит. по: *Тетлей В.* Семь правил интерпретации (толкования) коносаментов // www.precedent.su (дата обращения: 12.08.2012)).

²⁷ Цит. по: Там же.

²⁸ *Mori Seiki USA, Inc. v M.V. Alligator Triumph* (цит. по: Там же).

признают такие последствия недостаточными, а такие сделки — недействительными. Такой подход применяется и в зарубежном праве. Например, в Швейцарии в 1948 г. Верховный Суд постановил, что «условия сделок, противоречащих принципу добросовестности, должны признаваться недействительными в рамках любых договорных отношений, включая и не урегулированные в законодательном порядке».²⁹ Следует согласиться с таким подходом, если раз сторона была ограничена в возможности в полной мере понять содержание условия, то не приходится и говорить о том, что данное условие является результатом соглашения сторон.

Следующее важное правило, без которого невозможно отыскание истинного смысла договора, — это правило добросовестности при толковании.

Как отмечал еще И. С. Перетерский, добросовестность в толковании — это «искреннее стремление в отыскании смысла договора, закрепленного в его тексте»,³⁰ что выражается, в частности, в правиле о том, что при толковании следует руководствоваться тем пониманием, которое сложилось у второй стороны.³¹ Так, при толковании следует руководствоваться тем значением, которое было (или должно было быть) известно другой стороне. В частности, в отношении предпринимателей специальное значение термина, принятое к данной области предпринимательской деятельности, имеет приоритет над общеупотребимым значением. Данное правило общепризнано и закреплено, в частности, в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА (2010)³² и звучит следующим образом: заявления и действия стороны должны толковаться в соответствии с намерением этой стороны, если другая сторона знала или не могла не знать об этих намерениях, а если это невозможно — в соответствии с тем знанием, которое аналогичное другой стороне разумное лицо придавало бы им при таких же обстоятельствах. При этом, помимо прочего, должны быть приняты во внимание общеупотребительные в соответствующей области предпринимательской деятельности значения условий и выражений (ст. 4.2, 4.3 (e)). В данном случае предполагается, что предприниматель, который должен разумно вести торговлю, «не может понимать точно язык отрасли без того, чтобы знать специфическое значение, придаваемое словам, которые они используют».³³ Между тем, если при рассмотрении дела в суде будет установлено, что другая сторона не могла понять специального смысла использованного термина (например, в силу того, что она не является предпринимателем, либо если прежние взаимоотношения между данными контрагентами вкладывали в данный термин иной

---

²⁹ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1998. Т. 1. С. 423.

³⁰ Перетерский И. С. Толкование международного договора. С. 155.

³¹ Необходимо отметить, что в странах с англосаксонской и пандектной системой права выработаны разные подходы к решению данной проблемы. В странах с пандектной системой права, в основе которой лежит автономия воли сторон, исследуется действительное намерение конкретных сторон контракта. В отличие от него в английском праве превалирует понимание абстрактного «разумного» лица. Второй подход закреплен в ст. 8 Венской конвенции, согласно которой заявления и иное поведение стороны толкуются в соответствии с тем пониманием, которое имело бы разумное лицо, действующее в том же качестве, что и другая сторона при аналогичных обстоятельствах. Но поскольку разумность сторон контракта презюмируется, представляется, что существенного противоречия тут нет.

³² www.unidroit.org (дата обращения: 02.01.2013).

³³ Дело *Hurst v. W. J. Lake & Co* (цит. по: Еремичев Н. Е. Интерпретация условий контракта в случае рассмотрения дела американским судом // Внешнеторговое право. 2006. № 1).

смысл), то добросовестность требует толкования по общеупотребимому смыслу. И напротив, если другая сторона, которая была не обязана знать специальный смысл термина, но он, тем не менее, был ей известен, термин должен толковаться в специальном смысле. Данные правила применяются не только при толковании терминов, но и при толковании любого волеизъявления, в том числе поведения стороны.

Итак, применительно к толкованию предпринимательских договоров принцип добросовестности можно сформулировать следующим образом. О каких бы способах волеизъявления стороны (письменных, устных, конклюдентных, молчании) ни шла речь, другая сторона вправе руководствоваться обычным пониманием такого изъяснения, принятым в соответствующей отрасли предпринимательской деятельности, рассчитывать на такое понимание и действовать сообразно ему (если между сторонами прямо либо в результате сложившейся между ними практики не принято иное). В случае, если другая сторона, видя ошибку в понимании своего контрагента, не указывает на его ошибку, а равно в случае, если специально вводит его в заблуждение, она признается недобросовестной и несет соответствующие неблагоприятные последствия.

В развитие данного принципа в проекте внесения изменений в раздел I ГК РФ предлагается дополнить ГК РФ ст. 431.2, согласно которой сторона, способствовавшая при заключении договора введению другой стороны в заблуждение... обязана возместить другой стороне причиненные убытки и в том случае, когда она делала это неумышленно. Однако речь, конечно, должна идти не о всяком заблуждении, а только о том, о котором знала или должна была знать сторона. Как правильно отмечал еще К. С. Май, «недостаточно, чтобы заблуждение было существенным, необходимо еще, чтобы оно было распознаваемым для другого контрагента» (такое условие закреплено, например, в ст. 1428 итальянского Гражданского кодекса), т. е. «могло быть замечено лицом, обладающим нормальной осмотрительностью» (например, параграф 1431 ГК Италии).³⁴

На необходимость применения наряду с принципом добросовестности принципа разумности³⁵ неоднократно указывал Конституционный Суд РФ.³⁶ В качестве эталона разумности используется психическая (например, понимание) или физическая (поведение, принятие мер и т. п.)³⁷ деятельность абстрактного разумного человека, обладающего той же квалификацией и знаниями и помещенного в те же обстоятельства. При этом, так же как и добросовестность, разумность участников гражданского оборота презюмируется.³⁸

---

³⁴ Май К. С. Очерк общей части буржуазного обязательственного права. М., 1953. С. 84.

³⁵ Ряд авторов, применительно к толкованию, называют его принципом «эффективности», однако различие здесь, на наш взгляд, чисто терминологическое (см., напр.: Лукашук И. И., Лукашук О. И. Толкование норм международного права: Учеб. пособие для вузов. М., 2002. С. 47).

³⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 12 октября 1998 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» // Российская газета. 1998. 20 окт.; Определение Конституционного Суда РФ от 25 июля 2001 г. № 138-О // Там же. 2001. 1 авг.

³⁷ См., напр.: Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002. С. 129–130.

³⁸ Пункт 5 ст. 10 ГК РФ в редакции Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (в ред. от 4 марта 2013 г.) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30 декабря 2012 г.; Определение ВАС РФ от 30 декабря 2010 г. № ВАС-13603/10 по делу № А40-18477/09-38-51 (СПС «КонсультантПлюс»).

Требование разумности при толковании относится, прежде всего, к результатам толкования и проявляется в следующих правилах:

1. Толкование должно быть таким, чтобы соглашение было действительным, а не бездейственным, — «*interpretatio fienda est ut res magis valeat quam pereat*», или, иначе, «*ut res magis valeat quam pereat*» — чтобы сие было действительным, а не ничтожным.³⁹ Э. Ваттель сформулировал это правило так: «То, что делает акт ничтожным, является неблагоприятным», и «следует отвергать всякое толкование, приводящее к абсурду».⁴⁰ Двусмысленные выражения должны толковаться так, чтобы избежать неудобства и нелепости, — «*interpretatio talis in ambiguis semper fienda est ut evitetur inconveniens et absurdum*».⁴¹ Это правило широко применяется в зарубежном праве. Оно закреплено, в частности, в ст. 1157 французского Гражданского кодекса: если какое-либо договорное условие может быть понимаемо в двух смыслах, то предпочтительнее понимать его в том смысле, в каком оно может повлечь какие-либо последствия, а не в том смысле, при котором оно не имело бы никаких последствий. Так же и в Англии, где по одному из дел суд постановил, что «предпочтительной интерпретацией контракта является та, которая устанавливает разумное и эффективное значение всех терминов контракта, в отличие от тех интерпретаций, которые дают не до конца разумные или не эффективные значения».⁴²

В Определении ВАС от 8 декабря 2010 г. № ВАС-13970/10 суд подтвердил применение данного принципа российским судом и указал, что в случае наличия спора о заключенности договора суд должен оценить обстоятельства и доказательства в их совокупности и взаимосвязи в пользу сохранения, а не аннулирования обязательства.⁴³ Рассматриваемое правило применимо не только ко всему контракту в целом, но и к каждому отдельному положению. В свете изложенного довольно прогрессивными следует признать предложения о дополнении Гражданского кодекса РФ положением, согласно которому суд вправе в определенных случаях определить спорное условие договора, по которому не было достигнуто соглашение сторон с учетом необходимости обеспечить баланс интересов обеих сторон договора и исходя из требований разумности и справедливости.

2. При толковании неясных положений должен быть избран тот смысл, который не является бесполезным.

Е. В. Васьяковский предлагает избирать тот смысл, который наиболее целесообразен: «*quotes idem sermo duss sententias exprimit, ea potissimum excipiat, quare rei gerendae aptior est*».⁴⁴

Полезность и целесообразность положения рассматриваются на момент возникновения спора, а не на момент подписания договора. Предполагается, что данное положение сохранило свою значимость для сторон, иначе своим дополнительным соглашением

³⁹ Цит. по: Вахания Т. В. О принципах толкования международных соглашений ВТО третьей группой и апелляционным органом // Международное публичное и частное право. 2006. № 1. С. 17.

⁴⁰ Ваттель Э. Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М., 1960 (§ 282 и § 304).

⁴¹ Лукашук И. И., Лукашук О. И. Толкование норм международного права: Учеб. пособие для вузов. М., 2002. С. 47.

⁴² International Knitwear Co. Ltd. v. M\W Zim Canada (цит. по: Тетлей В. Семь правил интерпретации (толкования) коносаментов // www.precedent.su).

⁴³ СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴ Васьяковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов для начинающих юристов. М., 1913. С. 94.

стороны внесли бы в него существенные изменения. Кроме того, если бы между ними не было достигнуто соответствующего соглашения, требование об изменении спорного условия может быть передано заинтересованной стороной на рассмотрение суда (ст. 451 ГК РФ). В данном случае действуют сформулированные еще римскими юристами правила: закон не требует невозможного — *«ad impossibilia lex non cogit»* и закон не предписывает бесполезное — *«ex non praeci pit inutilia»*.⁴⁵ Как указано по одному из дел, толкование суда критерию разумности не отвечает, поскольку оба банка являются профессиональными участниками рынка ценных бумаг, оформляемых в рамках ипотечных отношений, в связи с чем нельзя предположить заключение ими договора с условиями, влекущими полную неопределенность в отношениях на десятилетия вперед.⁴⁶

Если стороны сознательно отказываются от какого-либо ранее обсуждавшегося положения либо вносят изменения в договор, может быть уместно применение «правила Хейдона» (правила устранения зла, *«mischief rule»*), использованного английским судом в 1584 г.⁴⁷ Суть этого правила состоит в том, что нужно выяснить, какое зло хотели устранить стороны, изменяя ранее обсуждавшиеся формулировки. Правилom предусматривается, что в случае обнаружения какой-либо неясности текста или отдельных слов в законодательном акте суд имеет право обратиться к праву, действовавшему до принятия закона. Это позволяет судье обнаружить, какое зло хотел устранить законодатель или какую проблему хотел урегулировать Парламент по-новому, принимая данный закон.

3. Заявления и иное поведение стороны должны толковаться в соответствии с тем пониманием, которое имело бы разумное лицо, действующее в том же качестве, что и другая сторона при аналогичных обстоятельствах.

Это правило является общепризнанным в международной торговле. Оценивая разумность поведения лица в определенных условиях, необходимо учитывать систематический характер предпринимательской деятельности, т. е. опыт и профессионализм в определенной сфере бизнеса. Иными словами, предприниматель не «человек из автобуса», а лицо, сведущее в той сфере бизнеса, в которой оно ведет дела, и принятые в соответствующей сфере бизнеса обычаи делового оборота должны приниматься во внимание при толковании. При этом, как и всякое иное, данное правило должно применяться с учетом правила добросовестности толкования, т. е. с учетом действительного понимания, сложившегося у стороны, если такое понимание было известно или могло быть распознаваемо для другой стороны.

Как уже было отмечено, принципы толкования — это основные подходы, направления для уяснения смысла текста. Следует, на наш взгляд, поддержать законодателя, воздерживающегося от законодательного определения и наполнения названных принципов. Как указывает Конституционный Суд РФ, использование оценочных понятий позволяет судебной власти, действующей на основе принципов самостоятельности, справедливости, независимости, объективности и беспристрастного правосудия, эффективно обеспечивать баланс интересов сторон.⁴⁸ Приводимые нами правила устанавливают

⁴⁵ Там же. С. 95.

⁴⁶ *Определение* ВАС РФ от 16 марта 2012 г. № ВАС-527/12 по делу № А40-153026/2010-81-1294 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁷ *Шепенко Р. А.* Понятие «двуязычное законодательство»: юридическое толкование в Гонконге // Современное право. 2001. № 10. С. 45.

⁴⁸ *Определение* Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2010 г. № 1580-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лябихова Сергея Михайловича на нарушение его

лишь вектор применения рассматриваемых принципов, а наполнение их содержанием зависит от правосознания и правовой культуры в конкретный исторический период. Изменение базовых ценностей человечества, их гуманизация, отход от абсолютного приоритета принципа экономической целесообразности в пользу повышения социальной ответственности изменяют и по-новому наполняют содержание названных принципов.

Статья поступила в редакцию 20 марта 2013 г.

конституционных прав подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, пунктом 1 статьи 8 и подпунктом 3 пункта 6 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката» (СПС «КонсультантПлюс»). — См. также: *Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 484-О-П // Там же.*